

УДК 130.2

**ПРОБЛЕМА РАСПРОСТРАНЕНИЯ ЧУЖЕРОДНЫХ ОБЫЧАЕВ ВО
ВНЕКУЛЬТУРНОМ ПРОСТРАНСТВЕ**

Панищев А.Л.

*Курский институт социального образования (филиал) Российского
государственного социального университета, Курск, Россия*

Данная статья посвящена проблеме отношений между культурами европейских стран и культурой ислама. В статье отмечается, что на фоне упадка христианской культуры в европейскую среду проникают такие обычаи, которые для европейской цивилизации исторически чужды, а главное, опасны для духовного здоровья европейских народов. Единственным средством для противостояния таким негативным явлением является возрождение собственной культуры.

Ключевые слова: культура, обычаи, традиции

В последнее время одной из довольно-таки серьёзных проблем стран Западной Европы становится её исламизация, которая постепенно, но вместе с тем неуклонно набирает силу и оказывает определённое влияние на деятельность человека и общества в тех или иных её проявлениях. Действительно, приходится констатировать вполне реальное явление, характеризующееся наличием тенденции к росту исламского фундаментализма. С одной стороны, это может объясняться особенностями ислама, который имеет тенденцию к искусственному, целенаправленному распространению своего вероисповедания, для осуществления чего не отвергается и применение военных средств. В самом деле, в Коране прописан джихад (Коран 4 : 95; 9 : 5, 14, 29-30, 38-40...). Более того, ислам не признаёт светского законодательства и международного права, поскольку берётся в расчёт то, что они есть производное от человеческой деятельности, в то время как Коран характеризуется как Священное Писание. Всеобщая исламская декларация прав человека, одобренная в сентябре 1990 года в Каире представителями исламских стран, фиксирует: (24 ст.) «Все права и свободы, закреплённые в настоящем документе, ограничены нормами исламского шариата», а также (25 ст.) «Исламский шариат является единственным источником для толкования любой из статей настоящей Декларации» [1, 40]. В

Конституции Египта отмечается, что источником закона является только Коран. Кроме того, всякий, кто ставит под сомнение непреложность и абсолютность законов шариата, в исламских странах подвергается смертной казни. Надо отметить, что иногда отдельные заявления исламских политических деятелей вызывают у европейцев определённое непонимание, подчас недоумение, в связи с чем происходят того или иного плана затруднения в работе и, стало быть, отсутствие удовлетворённости в её положительных результатах. Например, вполне может усматриваться повод к серьёзным размышлениям в том случае, когда «один из членов правительства Пакистана... заявил..., что ислам является миролюбивой религией и поэтому всех, кто это отрицает, должна ждать смерть» [2, 101]. Вряд ли здесь уместно примирительным тоном заявить о том, что это всего лишь слова эмоционального человека. Нет, при такой оправдательной оценке аналогичных речей политиков, «подверженных эмоциям» подобного толка, – это скорее примиренчество, когда любой ценой стремятся сгладить назревшие противоречия, любой ценой избежать конфликтов. К сожалению, в странах Западной Европы нередко внедряется и распространяется резко заниженный общественный критерий, а при наличии такового должна быть в действии предусмотрительная политика, направленная на необходимость,

обязанность гражданина отвечать не только за свои поступки, но за свои слова, тем паче нести ответственность за высказывания, имеющие откровенно негативный смысл. Между тем в России (где, к слову сказать, за обращение человека к матерной ругани – вплоть до времени правления Петра I – казнили) или же в странах Востока к общеупотребительным словам, как правило, всегда относились очень осторожно. Не будем забывать о том, что, согласно зороастрийской традиции, первое согрешение людей заключалось в словесном признании того, что не Ахура-Мазда (Господь Разума), а Анхра-Манья (Дух зла) сотворил мир. После этого словесного греха с печальной закономерностью последовала серия иных пороков. Причём с каждым новым грехом люди становились заложниками всего того, что относится к порочному, а, следовательно, они нравственно и физически ослабевали, а дэвы, напротив, крепили. Несмотря на тот исторический факт, что зороастрийцы были почти полностью физически уничтожены мусульманами, тем не менее их нравственные и социальные нормы часто соответствуют правилам ислама, отражают особенности, общие для культур народов Востока. Так что иной раз слова, которые, на первый взгляд, не несут в себе какой-либо опасности, по своей сути, как заметил один из героев комедии А.С. Грибоедова «Горе от ума», «страшнее пистолета», а посему к ним необходимо относиться должным образом, со всей серьёзностью и ответственностью.

Примечательно то, что некоторые исламские правоведы считают, что необходимо использовать принцип *наск*, то есть нормы шариата предлагается формировать на основе тех аятов, которые не противоречат международному праву. Например, в Коране есть аяты, где имеются прямые призывы уничтожать неверных, но существуют и аяты, в которых прописывается необходимость уважения ко всякому человеку, независимо от его религиозной или национальной принадлежности. В Коране наряду с прямыми призывами воевать за распространение ислама и убивать язычников в любом месте, где они встретятся (2 : 191), есть указания на то, что

первыми нападать не следует и Аллах не любит тех, кто первый начинает войну (2 : 190). Более того, согласно хадису, переданного Абу Даудом, нетерпимость по отношению к людям других религий есть грех. Суданский правовед Устаз Махмуд Мохамед Таха предложил реформу, которую он охарактеризовал как «эволюцию исламского законодательства». Его предложение в качестве цели предполагало гармонизацию норм шариата с международным правом и сводилось к введению новых принципов толкования, позволяющих применять другие стихи Корана и определённые сунны вместо применявшихся ранее. Всё же на сегодняшний день принцип *наск* отвергается большинством исламских правоведов, а Устаз Махмуд Мохамед Таха в январе 1985 году был приговорён за вероотступничество к смертной казни. Смертный приговор, вынесенный этому правоведу, наглядно свидетельствует о тех сложностях, с которыми, вероятно, может столкнуться и Западная Европа, и Россия.

Однако, с другой стороны, было бы грубо, односторонне и неверно связывать проблему исламизации Западной Европы исключительно с политикой исламских стран и догматикой самого мусульманского вероучения. Да, действительно, в последнее время «среди ультимативных требований исламистов центральным стало подчинение европейских мусульман местному законодательству, а исключительно предписаниям шариата» [2, 99]. Тем не менее сложившееся положение дел в странах Западной Европы и России я во многом объяснил бы деградацией самой культуры, а также её уничтожением, за чем следует отнюдь не случайный результат – смерть культуры. Я не оговорился: именно смерть культуры, а по отношению к России – её массовое истребление. Здесь надо подчеркнуть очень важный аспект: культура творится не двумя-тремя энтузиастами, подвижниками, принявшими на себя тяжёлый, самоотверженный труд ради достижения цели по сохранению и приумножению культурного наследия, а нацией в целом как единым духовным организмом; культура существует при тех непреходящих условиях, когда в ней живут,

чтут её нормы, а не тогда, когда её только изучает группа учёных как объект, не имеющий к их повседневной жизни прямого отношения. Разумеется, исследования в области культуры крайне необходимы, но они плодотворны лишь тогда, когда культура есть живое продолжение человеческого бытия, а не некий отживший свой организм или же преданное забвению давно прошедшее событие, каковое для многих наших современников – явление «времен очаковских и покоренья Крыма», к которому нет столь острой нужды возвращаться.

Следует подчеркнуть то, что в России само слово *культура* впервые зафиксировано лишь в 1845 году в «Карманном словаре иностранных слов» Н. Кириллова, что отнюдь не означает отсутствия (до 1845 года) культурных традиций, обычаев, характерных для жизнедеятельности русских людей. Факт же смерти культуры (по отношению к Западной Европе) неоднократно подчёркивался многими мыслителями, для которых знаменитая ницшеанская фраза «Бог мёртв» стала свидетельством смерти культуры. Немецкий мыслитель, музыковед Теодор Адорно констатировал смерть культуры в середине XX века, неспособность культурных ценностей, норм деятельно влиять на поступки людей, поскольку всякое массовое явление в культуре XX века лишь подчёркивало гибель культуры. Эта же мысль прослеживается у Х. Ортеги-и-Гассета, С.Л. Франка... Х. Ортега-и-Гассет справедливо отметил связь между разрушением культуры, цивилизации и вырождением человеческой природы. Он отмечает, что «крах терпит сам человек...», который уже не в состоянии обеспечивать функционирование той системы, которую сам создал [3, 86]. Не так давно ушедший из жизни яркий представитель русской культуры Сергей Аверинцев весьма точно охарактеризовал современный мир: «Мир, теряющий чувство требовательности..., а чувство тайны пытающийся... развеять приёмами психоанализа и психотерапии; мир, хвальный, что он отменил все табу, но одновременно очень эффективно заново табуирующий определённые слова и понятия, – а именно те, которые выражают «софийную» идею

девственности, чистоты...» [4, 251-252]. Здесь жизненно важно понимать то, что культура есть продолжение природы человека, выражение его самых высших свойств, вне которых человек превращается в существо, лишь по внешнему виду похожее на человека. Что касается традиции русской культуры, то, согласно установившимся народным обычаям, к человеку относились с глубоким почтением, ибо видели в нём начало Божье. «То, что делает человека человеком, – начало *человечности* в человеке – есть его Богочеловечность» [5, 287]. Именно такая высокая, надмирная планка задаёт критерий человечности в людях. Поэтому такие качества, как доброта, стыд, ответственность, благочестие и духовно-телесная чистота, являются фундаментальными свойствами человеческой природы, разрушение которых приводит к тотальной дегенерации человеческого сообщества и смерти культуры. Растление человека или поправление его чести воспринимается в культурах, в том числе и православной, как очень серьёзное преступление, рассматриваемое как более тяжкое злодеяние, чем умышленное убийство. Иначе говоря, преступления против души более страшные, чем преступные деяния против тела. Впрочем, в современной Европе и в сегодняшней России отдельные преступления против человеческой природы, носящие в отношении её насильственный, неестественный характер, подчас стали восприниматься в качестве обычных, нормативных, так сказать, дел житейских. Поэтому-то вовсе не случайными выглядят те критические замечания, которые делают эмигрировавшие в Западную Европу мусульмане по поводу образа жизни европейцев, в том числе и их законов – в качестве человеческих. В принципе данная установка в ряде случаев имеет свои объективные основы, поскольку узаконивание однополых браков, проституции и т. п., то есть форм поведения, в религиозной культуре однозначно трактуемых как сатанизм, не имеет какого-либо отношения к человеческой природе.

Однако в результате такого вырождения природы человека мы можем оказаться лицом к лицу перед фактом насаж-

дения в родном государстве чужеродных обычаев и увидеть, как они, столь далёкие, а нередко и враждебные нашей культуре, станут набирать силу и окажутся превалирующими. В обстановке, которая в последнее время сложилась в Европе и в России, всестороннее развитие человека крайне затруднительно, ибо функционирование сложных, позитивных традиций требует развитого интеллекта в синтезе с духовным благородством, кои в современном мире стали, в общем-то, редким явлением. В отношении состояния общества XXI столетия приходится с сожалением констатировать его духовно-нравственный и интеллектуальный регресс. «Высшие сложные организмы в такой среде не выживают; тем больший простор для деятельности одноклеточных...» [6, 2]. Возможно, отдельные обычаи древних культур, для христианской культуры явно несвойственные и неестественные, окажутся в силах занять её место из-за того, что к началу XXI века она была формализована и по существу в общественном сознании предана забвению. Один из чуждых для православной культуры обычаев, с которым уже сталкивается Европа и из-за которого, вполне вероятно, может возникнуть социальный конфликт в России, является женское обрезание.

Эту процедуру, для представителей христианской культуры неприемлемую и жестокую, проходят массово жители ряда исламских стран. Она широко распространена в Судане и в Сомали, где 98 % девушек и женщин подверглись такой операции, а также в Египте, где таковых представительниц женского пола 75 %. Данная традиция широко практикуется во многих других суннитских государствах, таких как Ирак, Марокко, Индонезия, формально светская Турция. Впрочем, довольно-таки сложно полностью уразуметь причины возникновения многих чуждых нам традиций, обычаев, составить себе во всём объёме представление о жизни граждан в ряде стран по причине закрытости последних или враждебного отношения к немусульманам. Ежедневно этот обряд проходят, примерно, 6 000 девочек, хотя в действительности эта цифра может быть значительно более высокой. Что касается меди-

цинских дебатов, развернувшихся в последнее время вокруг этого обычая, то, несомненно, они нужны, но, думается, в конечном итоге они не имеют позитивных результатов, так как человек по природе духовен и нуждается в духовных доводах. Например, всем хорошо известно, что никотин вреден для здоровья, но, тем не менее, люди массово подвержены вредной привычке – курению. В России, когда курение понималось, как нарушение в человеке образа божьего и уподобление сатане, такое негативное явление было крайне редким, да и, по Соборному Уложению 1649 года, караемое смертной казнью. Так и здесь, пока мы не объясним данную традицию с человеческой, то есть с духовной точки зрения, никакие положения и рекомендации представителей медицины значимой роли играть не будут.

Следует подчеркнуть то, что связывать вышеназванную традицию, которой часто следуют в ряде стран исламского Востока, целиком и полностью лишь с миром ислама не совсем верно, поскольку летоисчисление в исламе начинается с 622 года, а этот обычай практиковался ещё приблизительно в IV-III тыс. до н.э. в Древнем Египте. Выполнение данной традиции часто небезосновательно связывается с космогонией догонов. Этот обряд, считающийся призванным сохранить чистоту человека и позволить ему сосуществовать с людьми в человеческом сообществе, практикуется многими языческими народами и является органичной частью инициации. Однако именно в исламской среде (в основном, у суннитов) женское обрезание стало особенно распространённым явлением. В принципе такой обычай нередко встречается и у египетских коптов, и в монофизитской Эфиопии. Признав такой обряд социально вредным, сопряжённым с риском, чреватым большой опасностью для женского здоровья, обществу необходимо обращаться к законодательству, призванному не допускать к исполнению, запрещать этот укоренившийся в народной среде противоестественный обычай. Разумеется, обязательно нужно законодательно запрещать такой обычай, но, надо признать, что вне культурной традиции это малоэффективно. Так, в Судане осуществ-

ление такой процедуры преследуется по уголовному кодексу, тем не менее, несмотря на эту меру, установившийся в стране обычай очень распространён и охватывает абсолютное большинство женского населения (90-98 %). В Эфиопии, где этот неписанный традиционный закон особенно широко распространён в Огадене, населённом преимущественно мусульманами, была предпринята попытка оградить женщин от совершения такого увечья. Однако она оказалась тщетной и лишь усугубила и без того серьёзную ситуацию, сложившуюся в стране. По какой причине? Дело в том, что вместо христианской культуры в Эфиопии с середины XX века от имени государственной и одновременно сектантской власти, в лице Хайле Салассие (власть Троицы), началось утверждение секты *растафару*. Данная секта возникла на Ямайке в начале 30-х годов, но в 60-е годы её приверженцы появились среди цветной молодежи в США, Канаде и Великобритании. В 70-е годы она превратилась в поп-религию, а затем просто в молодёжную моду, тем самым вызвав настоящий ажиотаж среди городской молодежи Африканского континента. Несмотря на то, что «раста» попала в Африку извне, она оказалась долгожданной, заполнившей определённый духовный вакуум. Хайле Селассие рассматривался как живой бог, всемогущий, которому подвластна даже ядерная энергия; а раем для чёрного человека на Земле провозглашалась Эфиопия. Растафаризм в Эфиопии стал весьма популярен, и к его постулатам в обществе прислушивались. Так, приняли к сведению один из таких постулатов, согласно которому запрещалось членовредительство, под коим уместно разуметь и женское обрезание. Казалось бы, прогрессивная мысль получает реальный шанс на хорошее будущее, имеет достаточно полное основание на успех. Однако всегда надо осознавать то, что и аморальность может стать источником для внешне видимого прогресса, а принцип целесообразности не всегда согласуется с качествами человеческой природы. Разумеется, нельзя обойтись без борьбы с отдельными обычаями, однако, если это проводить грубыми, недобрыми методами, тем более иска-

жая православное вероучение, то последствия таковых для коренного народа могут быть непредсказуемыми и непоправимыми. Примечательно, в результате таких сектантских подходов к решению поднятой проблемы, в современной Эфиопии по-прежнему не исчезла, не сошла на нет проблема женского обрезания, но вместе с тем она приняла уже явно криминальный и лицемерный характер. Так, в 2004 году организатор кампаний по Восточной Африке Жан Н. Локенга отмечал, что многие браки заключаются следующим образом: девочек, как правило, на пути из школы похищают, насилуют, далее вызывают местного эскулапа, который обрезает униженную женщину. Затем ей предлагается выйти за насильника замуж. По местным законам, если тот женится на своей жертве, то освобождается от уголовной ответственности (в случае развода против него возбуждается уголовное дело по статье об изнасиловании). Что же касается женщины, её дальнейшей судьбы, то, согласно культурной традиции, женщина, если не станет женой своего первого мужчины, будет в обществе вечно отверженной, так сказать – третьесортной [7]. В итоге, в Эфиопии этот обряд мотивируется уже не столько идеей чистоты, как, например, у мусульман и язычников в соседнем Судане, сколько жестокостью, себялюбием и гедонизмом, когда целью жизни и высшим благом признаётся наслаждение, несмотря на характер его происхождения. Поэтому при борьбе с таким укоренившимся обычаем надо быть осторожным, видеть не только его бесчеловечность и дикость, но и смысл, которым его наделяют в конкретной культуре. Нужно сказать, что в современной Эфиопии государственные власти ведут борьбу с этой традицией путём просвещения населения и разумной пропаганды, активно выступают против браков, основанных на насилии, причём надо признать то, что в этом направлении наблюдается некоторый успех.

Думается, что в Западной Европе и в России для серьёзного противостояния, противодействия внедрению таких диких, противоестественных для нашей культуры традиций необходимо возрождение собственной культуры. Культура же предпола-

гает не только знание классической музыки, литературы, что, безусловно, делает честь человеку; культура, прежде всего, включает в себя повседневную жизнь в благочестии и доброте. Если же не мобилизовать духовные силы нации, не возродить культуру, то, вполне может оказаться, что в не столь отдалённом будущем этот обычай начнёт развиваться на Кавказе, в Татарстане, постепенно проникая оттуда в остальные регионы страны. Причём многие сторонники этого обряда нередко стремятся аргументировать своё убеждение тем, что, дескать, у противников такого обычая женщины лишены чести, а по сему на роль жён и матерей претендовать не имеют права. Объективная же действительность во многом лишит нас осуществимых возможностей противостоять подобным доводам, и в публичных дебатах внешне показная справедливость окажется на стороне апологетов этой традиции. Тенденции яркого исламизма уже проявляются на территории Ичкерии, где во многих школах обучают детей, согласно традициям ислама, причём какой-либо государственный чиновник, представляющий Министерство просвещения из Москвы, проверяя стандартные образовательные документы (планы учебной и воспитательной работы), может и не знать, что реально преподаётся в таких школах. Примечательно, что в Татарстане, казалось бы, благополучном, в общем-то, не настолько уж проблемном регионе страны, тема женского обрезания не вызывает в исламских кругах явного возмущения. Разумеется, пока в государстве большинство населения является формально православным, муфтии публично осуждают такой обычай. Тем не менее вот что пишется для чтения внутри исламского сообщества в газете «Ас-салам» №14 (315) июль 2008 года: «Обрезание для мужчины и женщины становится обязательным, когда они достигают совершеннолетия. Есть также алимы, которые утверждают, что для девочек обрезание является желательным, а для мужчин обязательным. Опекуну ребенка следует ускорить обрезание до совершеннолетия, т. е. является желательным сделать обрезание на 7-й день, не считая дня рождения, если отложили, то на

40-й день, если и тогда тоже отложили, то на 7-й год жизни. А что касается вреда обрезания для девочек, то если соблюдать указания Пророка (мир ему и благословение) относительно их обрезания, то никакого вреда не будет, а, наоборот, от этого будет только польза и благо, и это установлено современными учёными. Ибо шариат и его указания являются благом Всевышнего Аллаха для людей» [8]. Возможно, в данном случае речь идёт о мягкой форме обрезания, так называемой сунне, однако здесь не уточняется форма обрезания. В этом тексте подчёркивается: «если соблюдать указания Пророка». Действительно, согласно хадисам, Мухаммад отмечал, что не следует отрезать слишком много плоти, однако в каждой семье слова «слишком много» имеют различное понимание. Самой же распространённой формой женского обрезания является экцизия, наиболее крайней, хотя и несколько реже практикующейся, – инфибуляция. Ссылка же на современных учёных в данном случае выглядит весьма странной, тем более что среди учёных в мире лишь 1% составляют мусульмане, а в арабских странах ежегодно переводится в среднем 330 иностранных книг, что в 5 раз меньше, чем в одной Греции [2, 103].

Здесь очень важно понимать, что все мировые религии борются за духовную чистоту и спасение души, но всё-таки разными методами. В православии не менее бережно относятся к чистоте, а понятие *целомудрие* является центральным в православном нравственном богословии, в котором отмечено: «Потеря невинности до законного брака или оскорбление чужой чести – одно из самых ужасных нравственных и церковно-канонических преступлений, которые по своим субъективно-психологическим последствиям можно сравнить с изгнанием человека из первозданного рая» [9, 143]. Однако ни в каких канонических текстах, патристических трудах христиан мы не встречаем призывов к женскому обрезанию, ибо истинная телесная чистота всегда есть продолжение чистоты духовной. Если общественность видит, что культура обеспечивает достойную человеческую жизнь, при этом не прибегая к диким, жестоким обрядам, зна-

чит, и в самих этих обрядах она перестанет видеть какой-либо смысл; однако в условиях попрания фундаментальных ценностей православной, да и в целом христианской, культуры приходится констатировать факт широкого распространения древних чужеродных обычаев.

Тем не менее существует и иная трудность в деле противостояния таким тенденциям. Такая трудность намного тяжелее, чем отдельные проявления исламизма, носящие наступательно-захватнический характер по отношению к другим немусульманским странам. Главным образом, речь здесь идёт о ситуации, в которой оказалась значительная часть нашего современного общества, во многом нравственно развращённая, беспринципная и потерявшая правильные ценностные ориентиры, а посему пришедшая в состояние растерянности, беспомощности, а нередко и взрывоопасно-агрессивного и неприязненного отношения к окружающему миру. Разумеется, при таком довольно-таки удручающем положении дел о человеческой природе говорить не приходится, поскольку достигший полного морального разложения индивид, согласно общекультурным установкам, подобен злему, коварному демону, можно сказать, – сатане. В продолжение темы, касающейся женского обрезания, надобно отметить то обстоятельство, что в странах Востока на сегодняшний день широкая открытая борьба с традицией женского обрезания очень проблематична.

В европейском, впрочем, как и в российском, обществе, такая тема вызовет у многих граждан скорее не чувство сострадания к девушкам и женщинам, пережившим эту жестокую процедуру, а чувство нездорового, вульгарного любопытства, изломанного и скандального интереса. К тому же, не следует сбрасывать со счетов возможность того, что стараниями прессы определённого толка, после проведения ею акций, предпринимаемых, в общем-то, для достижения большого общественного резонанса, мы столкнёмся не только с осуждением, но и со своеобразной рекламой этой традиции. По существу же такие действия не что иное, как резонёрство, когда какой-либо вопрос ставится не столько как

социально обязательный, сколько как некое редкостное попури – отталкивающего и завораживающего своей необычностью, чем-то из ряда вон выходящим за пределы ставшего слишком заурядным быта. В таких массовых мероприятиях, преследующих громкое разоблачение, публичную беспощадную критику (подчас неумелую, в ряде случаев по сути влекущую за собой совершенно обратное действие и провоцирующую читателя или зрителя на неадекватные или преступные действия) угадывается стремление во что бы то ни стало осудить данный обряд. В результате осуждений, не имеющих под собой истинно нравственных мотивов, вполне вероятно появление в той же прессе скорбных подробнейших описаний злодеяний маньяков, которые пополнят свои методы истязаний.

Подводя итоги, уместно сделать следующий вывод: вместе с исламизацией ряда стран Европы наблюдается распространение обычаев, исторически чуждых, неестественных для европейских культур. В Европе такие обычаи распространены, главным образом, среди эмигрантов из исламских стран, где государственное право имеет значимость лишь в меру его сопричастности религиозному закону, национально-этнической традиции. «Для людей, воспитанных в замкнутых эмигрантских общинах, первое место в иерархии идентичностей и лояльностей часто занимают семья, клан, диаспора, в общем – этническая и религиозная принадлежность, и только потом – нормы и закон страны, которая их приняла» [9, 108]. Единственным эффективным средством для противостояния тому или иному воздействию со стороны исламских и языческих культур, которые оказывают негативное влияние, является возрождение собственной культуры. Действительно, культуре может противостоять только культура; межкультурный диалог может состояться лишь в том случае, если с обеих сторон находятся люди, являющиеся подлинными носителями культурных норм, связанных с фундаментальными человекообразующими свойствами (добротой, благочестием, ответственностью). Собственно говоря, закономерной, далеко не случайной выглядит ситуация, когда в противостоянии культур

одерживает победу та, чьи представители наиболее последовательно отстаивают свои духовные ценности.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Поленина С.В. Проблема национально-культурной идентичности в свете взаимодействия правовых систем современности // Государство и право. Январь 2008.
2. Западная Европа и исламизм: противостояние усиливается // Мировая экономика и международные отношения. 2008, № 2.
3. Ортега-и-Гассет Х. Восстание масс. М.: АСТ, 2002. – 509 с.
4. Аверинцев С.С. София-Логос. Словарь. К.: Дух і Літера, 2001. – 460 с.
5. Франк С.Л. С нами Бог. М.: АСТ, 2003. – 750 с.
6. Аверинцев С.С. Надежды и тревоги // Наше Наследие. № 4, 1988.
7. Жан Н. Локенга. Эфиопия: девушки вступили в борьбу с причиняющими вред обычаями // <http://belamnesty.narod.ru/pages/svaw1.htm> и <http://www.amnesty.org.ru/pages/373-060704-background-rus>.
8. «Ас-салам» № 14 (315) июль 2008 // <http://www.assalam.ru/assalam2008/315/18-s.shtml>
9. Архимандрит Платон. Православное нравственное богословие. Свято-Троицкая Сергиева Лавра, 1994. – 240 с.
10. Кравченко И. Доктрина С. Хантингтона: гипотеза или жестокий аларм-прогноз // Мировая экономика и международные отношения. 2005, № 12.

PROBLEM OF ALIEN CUSTOMS' SPREADING IN OUT-OF-CULTURAL SPACE

Panischev A.L.

Kursk institute of social education (branch) of Russia state social university, Kursk, Russia

This article is devoted to the problem of attitude between the cultures of Europe's states and Islam's culture. In the article noted that in the conditions of decay of Christianity's culture in the Europe's environment penetrate alien and danger customs. Single way for avoidance of this neglect occurrences is revival own culture.

Keywords: culture, customs, traditions.